

ALEŠ BRANDNER

Языковая ситуация в России Петровской эпохи

Восемнадцатое столетие – эпоха радикального преобразования русской языковой ситуации, захватывающего все уровни русского языка и все сферы его функционирования. В этот период формируется русский литературный язык нового типа (национальный литературный язык), и данный процесс представляет собой один из важнейших аспектов модернизации и рационализации русского общества и русской культуры. Этот процесс не только воплощает происходящие в данный период социокультурные преобразования, но создаст для них условия, поскольку именно унифицированный литературный язык выступает как формальная основа складывания нового государственного дискурса. Признаки литературных языков нового типа хорошо известны. В согласии с тезисами Пражского лингвистического кружка литературные языки характеризуются полифункциональностью, общезначимостью, кодифицированностью и дифференциацией стилистических средств. Именно эти черты и приобретает русский литературный язык нового типа в продолжение XVIII – начала XIX века. Ни одна из разновидностей письменного языка допетровской Руси совокупностью этих свойств не обладает, так что сам вопрос о том, был ли литературный язык в древней Руси, остается дискуссионным (Живов 1996: 13–14). А.В. Исаченко (Issatschenko 1983: 561) полагал, что русский литературный язык в современном понимании этого термина возникал лишь в течение XVIII века, тогда как В.В. Виноградов (1938: 5), напротив, считал, что русским литературным языком средневековья был язык церковнославянский, а именно последняя точка зрения лежит в основе церковнославянско-русской диглоссии, развиваемой московским русистом Б.А. Успенским (1988: 17–26, 1994: 9–53).

Был или не был церковнославянский русским литературным языком, остается в большей степени вопросом терминологическим. Существенно, что церковнославянский не был языком ни полифункциональным, ни кодифицированным. Предыстория русского литературного языка (или же история русского литературного языка эпохи средневековья) должна включать изучение того, как развивались в письменном языке те характеристики полифункциональности, общезначимости, кодифицированности и стилистической дифференцированности, которые определяют современные литературные языки. Очевидно, все эти качества появились не мгновенно, и по крайней мере для некоторых из них можно говорить о постепенном нарастании. Тем не менее радикальные

изменения совершались именно в Петровскую эпоху. Именно в это время в разных сферах письменности стал утверждаться новый литературный язык, который начал приобретать полуфункциональность и общезначимость. Его кодификация датируется с начала 30-х годов XVIII века.

Петровскую эпоху считают рубежом древней Руси и новой Руси (Ларин 1975: 270). В конце XVII и в начале XVIII века, при царствовании Петра I, фундаментально начал меняться характер российского государства. Коренные изменения затронули прежде всего его экономическую и общественную жизнь. В решение вопроса двуязычия включился сам Петр I. Однако его культурная и языковая политика не нашла последовательного выражения в языковой практике; если они и принесли какие-то результаты, то охарактеризованы они могут быть лишь как хаотическое смешение разнородных черт, не поддающихся никакой систематизации (Живов 1988: 50–63, 1990: 452). Н.А. Мещерский (1981: 150) обозначает данную обстановку как „причудливое смешение тех основных речевых элементов, из которых исторически сложился к этому времени русский литературный язык; это, с одной стороны, слова, выражения и грамматические формы традиционного, церковнославянского происхождения; с другой – это слова и словоформы просторечного, даже диалектного характера; с третьей – это иноязычные элементы речи, зачастую слабо освоенные русским языком в фонетическом, морфологическом и семантическом отношении”.

При решении языковых отношений в России Петр I затронул только чисто формальную сторону языка – его алфавит. В данное время это мероприятие имело, однако, большое значение. Проведенная азбучная реформа проявилась в создании Петром гражданского шрифта, который был предназначен для светской литературы и противопоставлен кириллице; с этого момента она должна была обслуживать лишь литературу духовную (Живов 1986: 54–67, 1996: 73–110). Для нового алфавита Петр I придумал термин *гражданица*. Впоследствии стали его называть *гражданкой*. В 1708 г. была в Голландии отпечатана новым шрифтом первая книга. Разделение алфавита на церковный и гражданский накладывало противопоставление светского и духовного на все печатные тексты, и эта оппозиция текстов создавала новую понятийную схему для противопоставления церковнославянского и русского языков. За оппозицией на графическом уровне должно было последовать противопоставление прочих языковых характеристик. В этом смысле реформа азбуки схематически содержит в себе все основные моменты петровской языковой политики. В.В. Виноградов (1938: 80) оценил азбучную реформу следующими словами: „Введение русской гражданской азбуки обозначало упадок церковно-книжной культуры средневековья, утрату церковнославянским языком господствующего положения в структуре русского литературного

языка и вместе с ним намечало пути дальнейшей борьбы за создание на народной основе национально-русского литературного языка.”

Заслуги Петра I не заключаются только в реформе азбуки; его отличия состоят также в распространении книгопечатания в России. Как известно, оно появилось в Московской Руси уже в середине XVI в. Петр I основал первые типографии книг в Петербурге. Книгопечатание способствовало выработке единообразного правописания и усиливало объединяющую роль литературного языка по отношению к территориальным диалектам. При Петре I, с его непосредственным участием и с его финансовой поддержкой, начала в России издаваться первая газета *Ведомости*. Царь Петр I был первым редактором и корректором переводов с иностранных языков на русский; он критиковал тех переводчиков, которые в своих переводах пользовались чрезмерным количеством церковнославянизмов. При переводе сочинений светского характера, при формулировке законов, в военном управлении и т.п. он однозначно предпочитал иностранные слова, отчасти также в их обрусевшей форме, словам из церковнославянского языка (Švagrovský 1998: 51).

Поскольку языковая политика Петра I воплощалась именно в тех изменениях, которые диктует языковое сознание данной эпохи, формирование русского литературного языка нового типа следует описывать в функциональных категориях, отражающих это языковое сознание. При таком подходе значимым оказывается не то, что может быть определено как генетический русизм или генетический славизм, а то, какие русизмы и какие славянизмы могли попасть в новый литературный язык из старого. Таким образом, при функциональном подходе выясняется природа перехода старого литературного языка к новому – она состоит в устранении признаков книжности. Из сказанного следует, что звуковой состав и практически весь морфологический строй нового языка – исконно русские по происхождению. Бесспорно разговорная речь и деловой (приказный) язык были главными источниками этих языковых уровней. Мнения, однако, расходятся, до какой степени участвовали разговорная речь, с одной стороны, и деловой язык, с другой, в процессе становления единого языка. Третий источник, церковнославянский язык, воздействовал, главным образом, на формирование словарного состава (Hüttl-Folter 1979: 33–37).

В связи с петровской реформой русского алфавита поэт и филолог В.К. Тредиаковский решил реформировать также правописание. Свои взгляды на реформу он изложил в книге, насчитывающей около 400 страниц, с заглавием *Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи* (1748). В этой книге Тредиаковский назначил важный вопрос: что должно отражать правописание. По его мнению следовало писать „по звонам”, т.е. по произношению. Это сложная проблема, которую

тогдашнее языкознание могло едва решать, хотя Ломоносов несколько лет спустя в своей грамматике напоминает, что правописание должно отражать „следы произвождения и сложения речений”, т.е. генетические связи между словами; он был сторонником историко-этимологического принципа, однако одновременно он допускал в некоторых случаях „разумные” отступления фонетическому принципу. Языковыми проблемами занимались в XVIII веке на самом деле только писатели и историки. Единичное исключение представлял собой М.В. Ломоносов, который был по образованию химик-металлург.

Вопросами языка в более широком масштабе занимался следующий писатель А.П. Сумароков. С современной точки зрения интересны его наблюдения, касающиеся произношения некоторых гласных звуков в русском языке XVIII в., и точные данные насчет заимствования большой группы иностранных слов. В орфографических размышлениях он правильно различал разницу между буквой и звуком.

Нормативный язык не обойдется без грамматики и словаря. До издания грамматики Ломоносова были нормированы только грамматический строй и лексический состав церковнославянского языка. До середины XVIII в. не было грамматики русского языка, написанной на родном языке. Ей предшествовали грамматические сочинения, изданные на иностранных языках (на латинском, французском, немецком, шведском). В 1735 г. было при Российской Академии Наук основано *Российское собрание любителей русского слова*, заданием которого было „радеть о возможном дополнении российского языка, о его чистоте, красоте и желаемом потом совершенстве”. В среде этого общества зародилась претензия издать „добрую и исправную грамматику и составление дикционария полного и довольного”. Составление грамматики было поручено тогда двадцатипятилетнему М.В. Ломоносову, выпускнику московской Славяно-греко-латинской академии, позже также выпускнику Петербургского университета и стипендисту-ассистенту в Марбургском университете в Германии. С начала 40-х годов XVIII века ему пришлось собирать материал для создания грамматики. Грамматика вышла в свет двадцать пять лет спустя (1755) с заглавием *Российская грамматика* и напечатала ее типография Российской Академии Наук. Для того времени это была оригинальная, подлинно научная нормативная грамматика, которая унифицировала орфографические и орфоэпические правила, стабилизировала грамматическую систему и хотя бы в общих чертах также лексическую норму русского языка (пока не будет в распоряжении нормативный словарь). Ее оригинальность состоит, во-первых, в выборе собранного языкового материала, во-вторых, в его обработке и систематизации. В орфографии допускаются частичные отступления фонетическому правописанию, однако одновременно подчеркивается неизбежность этимологического принципа, потому что его несоблюдение было бы „весьма странно

и противно способности легкого чтения". Ломоносов выделил в русском языке две составные части: 1) в это время уже сформулированный, живой разговорный язык, включая территориальные говоры, 2) „церковнославянский осадок, внесенный многовековой совместной жизнью живаго народного языка с книжным славянским языком". Церковнославянский язык, его роль при формировании русского он сравнил с ролью латыни при становлении западноевропейских языков. Из всех русских говоров Ломоносов предпочел московский говор, а именно по двум причинам: „для важности столичного говора и для его отменной красоты". Распределение славянизмов и русизмов добавило грамматике Ломоносова сопоставительный характер. Много примечаний в грамматике, касающихся произношения гласных, далее употребления определенных форм и т.п., является в настоящее время весьма ценным для историков языка. Среди современных русистов нет единого мнения при решении вопроса, до какой степени грамматика Ломоносова фиксировала норму книжного и до какой степени норму тогдашнего живого, разговорного языка. (Окончательное закрепление грамматической нормы русского языка и ее кодификации, опираясь на две грамматики А.Х. Востокова – *Сокращенную русскую грамматику для употребления в низших учебных заведениях* (1831), *Русскую грамматику по начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенную* (1831), произошло только в 1839 г., т.е. на 74 года позже; по этим грамматикам велись занятия во всех тогдашних российских школах.) В работе *Рассуждение о пользе книг церковных в российском языке* (1758) Ломоносов заложил фундамент русской стилистике тем, что он выделил церковнославянскую лексику от русской в различных литературных жанрах.

После установления орфографической, орфоэпической и грамматической нормы русского языка необходимо было во второй половине XVIII века нормативно стабилизировать также словарный состав. Тут появилась подобная проблема, как в случае описания грамматики: все до сих пор существовавшие словари были словарями не русской, а церковнославянской лексики. После образования Российской Академии Наук в 1724 г. начались серьезные попытки создать большой словарь русского языка. В 1789–1794 гг. выходил четырехтомный толковый словарь под названием *Словарь Академии Российской*. Второе издание словаря с названием *Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный* выходило с 1806 по 1822 г. Из названия следует, что словник во втором издании был составлен по алфавитному порядку, в отличие от первого издания, в котором слова были распределены по гнездам и только в рамках каждого гнезда отдельные слова были сюда включены по алфавитному порядку. Оба издания отличались, между прочим, тем, что в них была слабо представлена живая, разговорная лексика, даже не было включено сравнительно большое количество заимствованных слов. Упомянутые

недостатки устранило только третье издание академического словаря, которое вышло в 1847 г. под названием *Словарь церковнославянского и русского языка*. Количество лексических единиц этого издания увеличилось по сравнению с предшествующим вторым изданием в два раза: словник третьего издания содержал весь словарный состав русского литературного (уже кодифицированного) языка.

Языковая политика Петра I радикально изменила языковую ситуацию в России. Именно в этот период возникал новый литературный язык, противопоставленный церковнославянскому. По мысли Петра I, он должен был стать средством выражения новой секулярной культуры. Новый литературный язык вытеснил из употребления также приказный (деловой) язык, поскольку возникла возможность нелитературного применения литературного языка. Вместе с тем новый литературный язык вступил в конкуренцию с традиционным книжным языком (церковнославянским), постепенно захватывая не только сферу светской, но и сферу духовной культуры. Таким образом, в Петровской эпохе можно видеть корни всей последующей эволюции русского литературного языка нового типа.

В конце XVIII и в начале XIX века завершился ломоносовский период в развитии русского языка. В начале новой эры стоял историк, писатель, публицист Н.М. Карамзин. Своим творчеством он существенно повлиял на дальнейшее развитие русского словарного запаса, синтаксиса и фразеологии. Его заслуга состоит в том, что он расширил семантическое значение у сотен слов и что обогатил словарный состав множеством удачных калек из французского, немецкого и латинского языков; русские писатели первой половины XIX века их употребляли в своих произведениях как обычные средства выражения.

Из описанной языковой ситуации в России вытекает, что в XVIII веке нельзя еще однозначно говорить о едином, стабилизированном литературном языке в нынешнем понимании. Единый литературный язык был подтвержден произведениями художественной, публицистической и научной литературы первой половины XIX века. Основоположником норм нового русского литературного языка считается А.С. Пушкин, который сумел создать гибкий, выразительный язык, опирающийся на язык народа и использующий в некоторой ограниченной мере и церковнославянское наследство. По его заслуге русский литературный язык нового типа был в 40-е годы XIX века во всех его уровнях кодифицирован.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов, В.В. 1938, *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.* Москва: Учпедгиз.

- Живов, В.М. 1986, Алфавитная реформа Петра I как семиотическое преобразование. В кн.: *Труды по знаковым системам*. Вып. 19 (= Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 720), 54–67.
- Живов, В.М. 1988, Роль церковнославянского в истории славянских литературных языков. В кн.: *Актуальные проблемы славянского языкознания*. Москва: Издательство Московского университета, 49–98.
- Живов, В.М. 1990, Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа. *Wiener Slavistischer Almanach* 25/26, 451–469.
- Живов, В.М. 1996, *Язык и культура в России XVIII века*. Москва: Языки русской культуры.
- Ларин, Б.А. 1975, *Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.)*. Москва: Высшая школа.
- Мещерский, Н.А. 1981, *История русского литературного языка*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Успенский, Б.А. 1988, *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Budapest: Tankönyvkiadó.
- Успенский, Б.А. 1994, *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. Москва: Гнозис.
- Hüttl-Folter, G. 1979, Zusammenhänge zwischen dem sprachlichen Erbe und der neueren russischen Literatursprache. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 25, 26–47.
- Issatschenko, A.V. 1983, *Geschichte der russischen Sprache 2. Band: Das 17. und 18. Jahrhundert*. Heidelberg: Carl Winter-Universitätsverlag.
- Švagrovský, Š. 1998, Jazyková situácia v Rusku v 18. storočí. *Slavica Slovaca* 33, 49–57.